Трибуна молодых ученых

ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ТОНКОВ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: d.tonkov@yandex.ru

SPIN-код: 8825-9437

ORCID: 0000-0002-9841-5743

DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-tonkov

МЕТОД «СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ» ВИЛЬГЕЛЬМА ЛУНДШТЕДТА

Аннотация. Критический настрой Акселя Хэгерстрёма был с энтузиазмом воспринят его последователем Вильгельмом Лундшtedтом, который в русле скандинавского правового реализма стремился сделать юриспруденцию наукой, основанной на проверяемых фактах. Он резко критиковал любое привнесение метафизики в право, особенно соображений справедливости. По мнению В. Лундшtedта, право есть изощренный механизм, который работает за счет психологических импульсов человека, его чувств, инстинктов и эмоций и который контролируется законодательством, правоприменением, судами, административными действиями со стороны выборных или назначенных лиц для выполнения конкретных функций в обществе и некоторыми другими средствами принуждения. Традиционные правовые теории, включая позитивизм и социологическую юриспруденцию, В. Лундшtedт считал ненаучными и совершенно иррациональными, основанными на идеологических понятиях, не связанных с проверяемыми фактами. По его мнению, понятия традиционной юриспруденции не корреспондируют реальному миру и существуют лишь как чувства в нашем сознании: эти «ошибочные идеи» допустимо использовать лишь в качестве «ярлыков» для обозначения конкретных реальностей. Однако концепция В. Лундшtedта состояла не только из критики, но и предлагала конструктивные элементы для совершенствования юриспруденции и правового метода в более естественно-научном смысле. Вместо отрицаемого идеологизированного «метода справедливости», использующего лишь различные концепции о несуществующей объективно справедливости, В. Лундшtedт предлагает свой «метод социального благополучия», под которым понимается содействие наилучшим возможным образом тому, к достижению чего люди в целом действительно стремятся. В соответствии с данным методом причиной существования и действия

права является удовлетворение социальных потребностей: право создает новые или изменяет старые правовые отношения для какой-либо социальной цели, т.е. для пользы общества, или «социального благополучия». Несмотря на довольно объемное изложение и ярое отстаивание В. Лундштедом сконструированного им метода, он вызвал обоснованную критику в отношении своей оригинальности, глубины разработки и непротиворечивости. Анализ содержания метода «социального благополучия» и его критики в части связи с утилитаризмом, ложности выделенных стремлений человека, недостаточности метода в некоторых судебных делах, а также невозможности одновременного решения теоретических и практических проблем вызывает сомнения в успехе сформулированного В. Лундштедом стремления произвести «коренной пересмотр правового мышления», но настраивает на дальнейшие исследования в области права.

Ключевые слова: Вильгельм Лундштедт, скандинавский правовой реализм, метод социального благополучия, юриспруденция как наука, конструктивная юриспруденция, справедливость, философия права

DMITRII E. TONKOV

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation
E-mail: d.tonkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9841-5743

METHOD OF "SOCIAL WELFARE" OF VILHELM LUNDSTEDT

Abstract. Critical attitude of Axel Hägerström was enthusiastically carried by his follower Vilhelm Lundstedt, who, according to Scandinavian legal realism, sought to make jurisprudence a science based on verifiable facts. He sharply criticized any inclusion of metaphysics into law, especially considerations of justice. In V. Lundstedt's opinion, law is an intricate machinery which is kept going by means of psychological impulses of man, his senses, instincts and emotions and which is controlled by legislation, administration of law, courts, administrative activities on the part of persons elected or appointed to fulfill certain functions in society and the application of some other measures of coercion. Traditional legal theories, including positivism and sociological jurisprudence, V. Lundstedt considered to be unscientific and completely irrational, based on ideological conceptions unrelated to verifiable facts. According to him, concepts of traditional jurisprudence do not correspond to the real world and exist only as feelings in our mind: these "false ideas" can only be used as "labels" denoting certain realities. However, V. Lundstedt's concept consisted not only of criticism but also offered constructive elements for improving jurisprudence and legal method in a more natural-scientific sense. Instead of the rejected ideologized "method of justice", that uses only different concepts of

objectively non-existent justice, V. Lundstedt offers his "method of social welfare", that is understood as the encouragement in the best possible way of that which people in general actually strive to attain. According to this method the reason for the existence and operation of law is the satisfaction of social needs: law creates new and changes old legal relations for a social purpose, that is, for the benefit of society, or "social welfare". Despite V. Lundstedt's rather extensive presentation and passionate defense of constructed method, it caused reasonable criticism regarding its originality, sufficient elaboration and coherence.

Analysis of the content of the method of "social welfare" and its criticism in relation to utilitarianism, the falsity of the highlighted human strivings, insufficiency of the method in some judicial cases, as well as the impossibility of solving simultaneously theoretical and practical problems, raises doubts about the success of V. Lundstedt's desirable "basic reshaping of legal thinking", but inspires for further researches in the field of law.

Keywords: Vilhelm Lundstedt, Scandinavian legal realism, method of social welfare, jurisprudence as science, constructive jurisprudence, justice, legal philosophy

1. Введение

Труды Вильгельма Лундштедта¹, представителя скандинавского правового реализма², характеризуются попыткой сформировать юриспруденцию на основе нового метода рассуждения и низложить традиционные концепции. В. Лундштедт пытался заложить базис для *научного* подхода к вопросам права: другими словами, сделать юриспруденцию наукой в смысле естественно-научной дисциплины. Традиционная же юриспруденция не заслуживает называться «наукой», так как ее представители не смогли дать правдивую картину правового механизма в действительности (*legal machinery in action*).

Следствием этого эмпиризма стало отрицание В. Лундштедтом традиционной «*идеологической*» науки права в пользу новой «*научной*» юриспруденции на основе опыта, т.е. на основе практических наблюде-

¹ Андерс Вильгельм Лундштедт (Anders Vilhelm Lundstedt, 11 сентября 1882 г. — 20 августа 1955 г.) — шведский юрист, член парламента Швеции, почетный профессор гражданского и римского права Уппсальского университета (старейший университет Скандинавии, основан в 1477 г., находится в шведском городе Уппсала).

² Главными представителями скандинавского правового реализма традиционно считаются основатель движения, шведский философ Аксель Хэгерстрём (Axel Hägerström), и его ученики Вильгельм Лундштедт, Карл Оливекрона (Karl Olivecrona) и Альф Росс (Alf Ross). В рамках данного правового движения начала — середины XX в. считалось, что традиционные правовые концепции состоят из бессмысленных метафизических идей, которые должны быть исключены из правоведения, а юриспруденции следует базироваться на фактическом опыте.

ний и анализа социальных фактов³: суть правового механизма состоит в жизненных факторах, живых людях, чьи модели поведения и умственные способности конструируют элементы механизма⁴. Для эксперта становится чрезвычайно важным дистанцироваться от правового механизма и общества, взяв на себя роль внешнего наблюдателя. Игнорирование наличия своих собственных предпосылок и установок В. Лундштедт считает основным фактором, способствующим ошибкам даже у современных ему правоведов. Он полагает, что из-за очень поверхностного отказа от правовой идеологии и метода справедливости указанное выше упущение заметно в позициях отдельных американских авторов, особенно Роско Паунда, считающих свои взгляды лишенными правовой идеологии и базирующимися на социальных фактах⁵.

Стоит отметить, что В. Лундштедт никогда не забывал упоминать своего учителя Акселя Хэгерстрёма, который дал «импульс для крестового похода на традиционную юриспруденцию»⁶ и чьим главным наследием было отрицание метафизики в праве⁷. Соответственно, В. Лундштедт был нацелен на объяснение права в чисто «научном», или «фактическом», смысле, в который бы входили только отношения причины и следствия в мире времени и пространства. Теории же, которые явно или косвенно включали бы в себя отсылку к нефактическим сущностям, нарекались им «сверхъестественными», «метафизическими», «ненаучными», «идеологическими», «бессмысленными» или «нереалистичными».

В. Лундштедт стремился показать метафизичность всех концепций правовой идеологии. Тем не менее он не видел причин, почему бы некоторые понятия традиционной юриспруденции («ошибочные идеи правовой идеологии») не использовать как «ярлыки» (*labels*) для обозначения конкретных реальностей, когда нет необходимости исследовать

³ См.: *Siliquini-Cinelli L. Vilhelm Lundstedt's 'Legal Machinery' and the Demise of Juristic Practice // Law Critique. 2018. Vol. 29. No. 2. P. 244–245.*

⁴ См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised: My Views on Law. Stockholm, 1956. P. 18.*

⁵ *Ibid. P. 342–356.*

⁶ Взгляды В. Лундштедта на правовые вопросы, по его собственному заявлению, радикально изменились именно после знакомства с А. Хэгерстрёмом и под влиянием его трудов, а его теория фактически основывается на философии права А. Хэгерстрёма. См.: *Ibid. P. 6–7.*

⁷ Для ознакомления с основными идеями А. Хэгерстрёма, основателя скандинавского правового реализма, и понимания истоков подхода В. Лундштедта см.: *Тонков Д.Е. Философия права Акселя Хэгерстрёма // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 3. С. 82–106.*

эти реальности⁸. В случае с «правом» (*right*) только видимая реальность определяет для лица преимущественное положение как следствие функционирования правового механизма: будет постановкой с ног на голову утверждение, что у лица есть возможность требовать возмещения убытков как следствие нарушения его права. Аналогично и понятие «правовая обязанность» подразумевает лишь регулярное использование санкций в том случае, если определенная линия поведения не соблюдается⁹.

В. Лундштедт противопоставил традиционному «методу справедливости» (*method of justice*) свой «метод социального благополучия» (*method of social welfare*), основанный на исторических фактах, логической критике правовой идеологии, социальном и психологическом опыте, что может быть единственным возможным подходом для эмпирического взаимодействия с вопросами права¹⁰. Вера в справедливость как источник права является, по мнению В. Лундштедта, научно несостоятельной¹¹. Ни одна норма права и ни один юридический акт не могут быть основаны на «общем чувстве справедливости» (*common sense of justice*). Тем не менее так называемая справедливость *может* иметь значение для определения содержания права¹². В. Лундштедт отрицает наличие у ценностных суждений какого-либо *правового* значения, так как они субъективны и зависят от чувств и эмоций конкретного лица: утверждения «должного» и «желательного», другие нормативные выражения являются метафизическими

⁸ Примерами «ошибочных идей» могут быть названы следующие: «юридические права» (*legal rights*) (в смысле субъективных прав как следствия функционирования *правового* механизма; созданные именно *правом*; оппозиционные, по В. Лундштеду, «естественным правам» (*natural rights*). — Д.Т.) и обязанности, «обязательства», «правовые претензии и требования», «правоотношения», «проступок», «вина», «ответственность», «нормы права», «(естественная) справедливость», «противоправность», «правомерность», «правовая необходимость», «собственность», «убытки», «ущерб», «упущенная выгода», «возмещение убытков, ущерба, вреда», «преступление», «деликт», «наказание» и т.п. В некоторых случаях эти концепции включают в себя *petitiones principia* (лат. «предвосхищения основания»); от некоторых В. Лундштедт призывает отказаться даже в качестве «ярлыков». См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 16–17.

⁹ См.: *Castberg F. Problems of Legal Philosophy*. 2nd ed. Oslo, 1957. P. 29.

¹⁰ См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 5–6.

¹¹ См.: *Lundstedt A.V. The Relation Between Law and Equity* // *Tulane Law Review*. 1950. Vol. XXV. P. 59.

¹² Подробнее о критике метода справедливости В. Лундштедтом см.: *Тонков Д.Е. Право и справедливость: либертарный подход и концепция В. Лундштедта* // *Право и религия в междисциплинарной интерпретации: Монография* / Под ред. А.Б. Дидикина. М., 2019. С. 227–236.

фикциями. Однако определенные оценочные действия находятся внутри юриспруденции, что существенно смягчает его предыдущий тезис: в «конструктивной юриспруденции» (*constructive jurisprudence*), или юриспруденции на практике, законодатель, судья или правовед должны представить свои собственные идеи «хорошего» и «плохого» в определении таких вопросов, как: в гармонии ли интерпретация права с «социальным благополучием» или обеспечивают ли настоящие или предполагаемые законы наилучшую пользу обществу¹³.

Основной научный интерес В. Лундштета был в области гражданского права, а точнее, в обязательственном праве¹⁴, но концепция права как системы прав и обязанностей была отвергнута: В. Лундштету стало очевидно, что право является «не более чем самой жизнью человечества в организованных группах и условиями, которые делают возможным мирное сосуществование индивидов в социальных группах и их взаимодействие для целей, отличных от простого выживания и размножения»¹⁵. Наиболее значимыми среди этих условий являются люди как психофизические существа, наделенные способностями рассуждать и действовать, а также их эмоциональная внешняя составляющая и сенсорный аппарат. Все указанное взаимодействие подвергается контролю, который и делает возможным существование человека в обществе в соответствии с его потребностями, желаниями и интересами. Постепенно социальные представления кристаллизуются и определяют работу правового механизма. Вышеуказанный контроль состоит из «законодательства, правоприменения, судопроизводства, средств принуждения и... административных действий со стороны выборных лиц или лиц, наделенных полномочиями для выполнения конкретных функций в обществе»¹⁶.

По большей части работы В. Лундштета публиковались на шведском языке, а также на английском, немецком¹⁷ и французском язы-

¹³ См.: *Sherbaniuk D.J. Scandinavian Realism // Alberta Law Review. 1962. Vol. 2. No. 1. P. 66.*

¹⁴ См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised. P. 9–10.* В. Лундштет также занимался анализом традиционных правовых концепций в области уголовного права и международного права (в части иллюстрирования опасных последствий правовой идеологии).

¹⁵ *Ibid.* P. 8.

¹⁶ *Ibid.* P. 8–9.

¹⁷ Как отмечает Антонов М.В., с многочисленными работами на немецком языке связана и германизация фамилии В. Лундштета (на шведском языке она звучит как «Лундстет»), а также закрепление в научной среде второго имени

ках. В. Лундштедт посчитал необходимым подвести итог своим научным изысканиям в комплексном англоязычном издании, которым стала книга «Правовое мышление в пересмотре: мои взгляды на право» (“*Legal Thinking Revised: My Views on Law*”)¹⁸, вышедшая в свет

ученого как основного при до конца непонятном опускании своего первого имени. См.: Антонов М.В. Скандинавская школа правового реализма // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова, СПб., 2009. С. 651, сн. 23. В своем заключительном труде (см. далее) В. Лундштедт также полностью указал только свое второе имя «Вильгельм».

В то же время Васильева Н.С. предлагает вариант написания фамилии ученого как «Лундстедт», исходя из практической транскрипции со шведского языка на русский язык. См.: Васильева Н.С. Действительность права как психологический факт: Уппсальская школа в контексте интеллектуальной традиции континентального правового реализма // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 4. С. 50.

¹⁸ Васильева Н.С. использует в качестве перевода на русский язык иной вариант: «Переосмысливая правовое мышление: мои взгляды на право». См.: там же. С. 69. Подобный перевод работы В. Лундштедта в части слова “*revised*” представляется не вполне корректным по следующим соображениям.

1. Требуется сохранить значение, которое В. Лундштедт придавал данной работе. Исходя из предисловия и введения указанной книги, он считал ее именно англоязычным «итогом», «обобщением», «изложением» своих *предыдущих* работ «по поводу фундаментальных вопросов права и общества», со стремлением «изменить», «пересмотреть», «переформулировать» традиционные основы правового мышления. Так, согласно п. 3.2.4.8.2.4 и п. 3.2.4.8.2.5 Межгосударственного стандарта ГОСТ 7.60-2003 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения» (введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 25 ноября 2003 г. № 331-ст) англоязычный термин “*revised edition*” переводится на русский язык двумя возможными вариантами: «переработанное издание» или «*пересмотренное* издание».

2. Требуется сохранить лингвистический смысл слова “*revised*” как отглагольного прилагательного со значением завершенности действия. Перевод «переосмысливая» недопустим с данной точки зрения, так как, являясь деепричастием несовершенного вида, подразумевает какое-либо добавочное действие. Допуская вариативность значений слова, переводом “*revised*” могут быть такие *причастия*, как: «пересмотренный», «переосмысленный», «переработанный».

3. Требуется сохранить *исходный* порядок слов фразы “*legal thinking revised*”, учитывая возможность английского языка, расставить приведенные три слова в ином порядке с незначительными словообразующими и фразообразующими дополнениями или изменениями. В данном случае В. Лундштедт вместе со своим англоязычным ассистентом решили на первый план вывести определение «правовое» (*legal*) и подлежащее «мышление» (*thinking*).

Таким образом, учитывая вышеуказанные три пункта, а также не прибегая к инверсии («Правовое мышление пересмотренное») и не допуская искажения смысла, представляется более обоснованным предложенный в настоящей статье перевод: «Правовое мышление в пересмотре: мои взгляды на право».

в 1956 г.¹⁹ Он стремился пересмотреть основы правовой мысли на благо судьбы всего человечества²⁰. «Центром притяжения» этой книги является попытка презентовать взгляды В. Лундштедта на право как на «правовой или социальный механизм»²¹, в том числе изложение метода «социального благополучия» как неизбежно вытекающего из критики правовой идеологии. Значительная часть размышлений В. Лундштедта относительно предыдущей правовой науки носила деструктивный характер. Однако было и конструктивное направление: взамен развенчанного «метода справедливости» В. Лундштедт предлагал использование «метода социального благополучия», анализ содержания и критики которого рассмотрены в данной статье.

2. Содержание метода «социального благополучия»

Подход В. Лундштедта основан на том, что главное предназначение права состоит в содействии «социальному благополучию» (швед. *“samhällsnyttan”*, англ. *“social benefit”*)²², т.е. вместо интерпретирования

¹⁹ Работа была издана посмертно усилиями юридического факультета Уппсальского университета. В. Лундштедт успел завершить вычитку первого варианта книги, внести свои правки, сформировать черновики оглавления и библиографии. См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 1–2.

²⁰ Настоящая статья основана именно на данном труде как на 1) заключительном; 2) комплексном; 3) собственном; 4) англоязычном (с помощью американского ассистента) выражении идей В. Лундштедта.

²¹ См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 21.

²² В переводе со шведского языка на английский язык термин *“samhällsnyttan”* буквально означает *“social benefit”* («социальная выгода») или *“social utility”* («социальная польза»), хотя традиционно на английский язык она переводится как *“social welfare”* («социальное благополучие», «социальное благосостояние»).

В «Правовом мышлении в пересмотре» В. Лундштедт пытался достичь максимально возможной точности в передаче мыслей и использовал термин *“social welfare”* как вариант перевода на английский язык, который используется в настоящей статье. В то же время в книге 1925 г. *“Superstition or Rationality in Action for Peace? Arguments against Founding a World Peace on the Common Sense of Justice: a Criticism of Jurisprudence”* (в пер. с англ. — «Предрассудок или рациональность в действии ради мира? Аргументы против установления всеобщего мира на основе общего чувства справедливости: критика юриспруденции») В. Лундштедт использовал термин *“public welfare”* (в пер. с англ. — «общественное/публичное благополучие/благо-состояние»).

Скандинавские исследователи часто указывают на трудности перевода шведского слова *“samhällsnyttan”* на английский язык, с которым столкнулся В. Лундштедт, и в своих англоязычных статьях наряду с *“social welfare”* используют в том числе варианты *“public welfare”*, *“social utility”* и *“public utility”*. См., например:

правовых концепций традиционным путем они должны пониматься в свете конкретных подкрепляющих их социальных потребностей²³. В изложении В. Лундштедта «социальное благополучие» не имеет ничего общего с *абсолютными* ценностями, понятиями и идеалами, будь то социальные, этические, правовые, религиозные или какие-либо иные. Но это не означает, что «социальное благополучие» не подвергается их влиянию в той степени, в какой они превалируют в обществе. Напротив, упомянутые идеи и представления имеют огромное влияние на общественное правосознание и общее чувство справедливости, которые играют *незаменимую* роль в функционировании правового механизма²⁴.

«Социальное благополучие» есть нечто наиболее реалистичное. Оно включает в себя конкретные действительные оценки того, что является наилучшим для общества относительно, например, принятия закона²⁵ по определенному вопросу, его интерпретации и, наконец, установления какой-либо максимы, когда непосредственно применяемый закон отсутствует²⁶. «“Социальное благополучие”... означает... то, что действительно рассматривается, т.е. оценивается, как полезное для людей в обществе с их образом жизни, стремлениями и трудностями, которые они реально имеют в конкретное время»²⁷.

Strang J. Two Generations of Scandinavian Legal Realists // *Retfærd: Nordisk Juridisk Tidsskrift*. 2009. Bd. 32. Nr. 1/124. P. 67; *Sundell J.-O.* Vilhelm Lundstedt — a Biographical Sketch // *Scandinavian Studies in Law*. 2005. Vol. 48. P. 466; *Jørgensen S.* Scandinavian Legal Philosophy // *Bulletin of the Australian Society of Legal Philosophy*. 1984. Vol. 8. P. 8.

Русскоязычные авторы, например М.В. Антонов и Н.С. Васильева, используют в качестве перевода “*social welfare*” фразу «социальное благосостояние». См.: Антонов М.В. Указ. соч. С. 654; Васильева Н.С. Указ соч. С. 67, 69. Представляется, что в данном контексте оба варианта перевода слова “*welfare*” как «благополучие» и «благосостояние» допустимы, так как содержат в себе материальную, социальную и психологическую составляющие. Тем не менее в настоящей работе за основу взят именно вариант «благополучие» как снижающий экономические ассоциации и подчеркивающий социально-психологические.

²³ См.: *Arvind T.T.* The Philosophy of Law of Vilhelm Lundstedt // *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy* / Ed. by M. Sellers, S. Kirste. Dordrecht, 2018.

²⁴ См.: *Lundstedt A.V.* Legal Thinking Revised. P. 136–137.

²⁵ В. Лундштедт в своих размышлениях активно обращается именно к вопросам законодательства как наиболее понятной категории для иллюстрации метода социального благополучия.

²⁶ См.: *Lundstedt A.V.* Legal Thinking Revised. P. 137.

²⁷ Ibid.

«Под методом социального благополучия как... руководящий мотив для правовой деятельности, я имею в виду в первую очередь содействие наилучшим возможным образом тому — в соответствии с тем, что каждый, обладающий определенным минимальным уровнем культуры, способен понять — *к достижению чего люди в целом действительно стремятся* (*people in general actually strive to attain*) (курсив В. Лундштедта. — *Д.Т.*). Это состоит из таких вещей, как: подходящая и вкусная еда; приемлемая и подобающая одежда, в соответствии с личным или общим представлением; жилье, меблированное лучшим и наиболее комфортным образом; безопасность жизни, здоровья и “собственности”, наиболее возможная свобода действия и перемещения, в том числе ограничение количества работы в определенный промежуток времени, возможности для образования и т.п. — кратко это может быть выражено так: весь мыслимый материальный комфорт наряду с защитой духовных интересов»²⁸.

В. Лундштедт не предлагает какую-либо позицию относительно того, к достижению чего человек *должен* стремиться и *должен* ли человек вообще предполагать какие-либо решения своих трудностей. Он только устанавливает как факт то, что можно наблюдать в целом, а именно то, что «подавляющее большинство людей (в Швеции и других развитых странах) *желает жить и развивать свои жизненные возможности* (курсив В. Лундштедта. — *Д.Т.*)»²⁹.

Социальные оценки, которые имеют решающее значение для законодательства (и интерпретации права), в действительности исходят не напрямую от «людей», а от самого законодателя³⁰ (или интерпретатора)³¹. Законотворец (и суды) может быть более или менее быстро

²⁸ См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 140.

²⁹ Ibid. В. Лундштедт даже не пытается определить, являются ли вообще *ценными* для человека защита и развитие его жизненных возможностей.

³⁰ Используемые В. Лундштедтом англоязычные термины “*legislator*” и “*law-maker*” (“*lawmaker*”) в настоящей статье переводятся как «законодатель» и «законотворец» соответственно. Сведение обоих слов к традиционному русскоязычному «законодатель» предполагается автором не соответствующим интенции В. Лундштедта в части прояснения смысла его подхода.

³¹ «...(конкретные суды. — *Д.Т.*) в вопросах интерпретации могут рассматриваться как квазизаконодатель (*quasi-legislator*) *in casu* (в пер. с лат. «для случая». — *Д.Т.*)» (Ibid. P. 145).

Под «интерпретацией права» В. Лундштедт имеет в виду ситуации, когда даже при наличии писаного права его формулировка приводит к различному содержанию и когда писаное право отсутствует или право выражено в неясном и неоднозначном «обычном праве».

подвержен влиянию правовой доктрины независимо от осмысления рассматриваемого вопроса на основе эпистемологических утверждений и исследований или на основе социальных оценок. Но оценки в данном случае делаются не на основе личного ощущения, а на основе статуса законодателя или правоведа. Законотворец оценивает, осознавая свою деятельность как приносящую пользу обществу; правоведы оценивают, исходя из значения законодательства, и стремятся послужить обществу через свою помощь законотворцу (и судам). Конечно, предпосылкой для вышеуказанного утверждения будет то, что законодатели, судьи и правоведы не введены в заблуждение концепциями правовой идеологии. «Учитывая эту предпосылку, допустимо сказать, что в настоящее время никакой другой мотив не может быть выделен для предложения той или иной юридической максимы, кроме как того, что ее применение служит для выгоды общества, которому данная максима предложена и слуги которого занимаются юридической деятельностью»³². Так как метод социального благополучия основан на реальности человеческих потребностей и стремлений, а значит, и на относимых к людям социальных оценках (т.е. фактах), то данный метод является *научным* методом³³, к которому В. Лундшtedт пытался привести юриспруденцию.

3. Объяснение метода в ответе на критику

3.1. Отличие от утилитаризма

В книге 1925 г. «Предрассудок или рациональность в действии ради мира? Аргументы против установления всеобщего мира на основе общего чувства справедливости: критика юриспруденции» В. Лундшtedт кратко изложил свои общие соображения о «социальном благополучии», которые были, по его мнению, неверно поняты многими критиками, особенно англоязычными, связавшими его идеи с утилитаризмом³⁴. Об утилитаристах В. Лундшtedтом может быть сказано, как и о почти всех других философах права, что они проигнорировали в своих оцен-

³² См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 144–145.

³³ См.: *Bindreiter, U. Anders Vilhelm Lundstedt: In Quest of Reality // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 12. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Tome 2: Main Orientations and Topics. Chapter 15 / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht, 2016. P. 396.*

³⁴ Доминирующее влияние утилитаризма в философских размышлениях В. Лундшtedта было отмечено и М.В. Антоновым. См.: *Антонов М.В. Указ. соч.* С. 654.

ках важности права для общества тот факт, что от начала до конца организация общества предполагает функционирование писаного и неписаного права. Вследствие этого упущения они в своих размышлениях об отправных точках, существующих независимо от действующего правового механизма, использовали все виды фактов³⁵, которые в реальности являются только результатом функционирования правового механизма на протяжении веков или обусловлены его существованием. В. Лундштедт утверждает, что «этот подход к праву, который позволяет базироваться, например, на общем чувстве справедливости, был существенной, даже если и скрытой, частью утилитаризма»³⁶.

Без сомнения, утилитаристы успешно критиковали некоторые грубые концепции естественного права XVIII и начала XIX в. По мнению В. Лундштедта, относительно прав и обязанностей критика Иеремии Бентама имела в виду *естественные* (*natural*) права и обязанности, а не *юридические* (*legal*). Таким образом, В. Лундштедт утверждает о «поглощении» правовой идеологии утилитаристами и другими позитивистами и что скрытое естественное право доминирует в их подходе к праву. Социальная жизнь обусловлена тем фактом, что представления о справедливости руководствуются и направляются, например, действующими законами, но данное фундаментальное обстоятельство, по мнению В. Лундштедта, было незнакомо утилитаристам³⁷.

3.2. Социальный интерес: ответ Альфу Россу

Чтобы прояснить значение «социального благополучия» как относящегося к реальности, а не к абсолютным ценностям, В. Лундштедт определил некоторые очевидные действительные стремления человека³⁸ и охарактеризовал содействие этим стремлениям частью «социального благополучия». А. Росс указал на ложность такого стремления, например, как «жилье, меблированное лучшим и наиболее комфортным образом»: «не существует таких категорий, как “мы все”, “кто-то” или “люди в целом”, которые желают жить в хороших домах. Ошибка лежит в ис-

³⁵ «Указанные факты содержат в себе, например, такие вещи, как: наличие наук, которые... философы права имели возможность исследовать в праве и социальном порядке; текущие представления людей о правде и лжи, о правильном и ошибочном; то обстоятельство, что люди действуют как цивилизованные существа в цивилизованных странах, используя наследие духовной и материальной культуры» (*Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised. P. 141*).

³⁶ Ibid. P. 142.

³⁷ Критику И. Бентама, Дж. Остина и Дж. С. Милля см.: Ibid. P. 142–144.

³⁸ Указанные в настоящей статье ранее.

пользуемых терминах: “кто-то” никогда не живет в домах, но конкретные А, Б и В — живут. Именно А желает иметь хорошее жилье для А, Б — хорошее жилье для Б и так далее. Если обстоятельства не позволяют выполнить все эти желания, то встает вопрос противоречащих, конкурирующих интересов»³⁹. По мнению А. Росса, «интерес общества» («социальное благополучие») является заблуждением, которое прикрывает и фальсифицирует единый гармоничный интерес и корреспондирующую ему выгоду, и при использовании концепции *социального* благополучия В. Лундштедт⁴⁰ скрыл эту дисгармонию, только изобразив ее существование между интересами различных индивидов⁴¹.

В. Лундштедт заметил, что при обращении к «социальному благополучию» он не имел в виду сумму различных интересов индивидов или что-либо подобное, от чего следует избавить юриспруденцию. В своем методе В. Лундштедт имел в виду не оценки индивидов общества, которые становились бы напрямую решающими для законодательства, а оценки законодателя. По мнению В. Лундштедта, «неоспоримо, что... *каждый для себя* желает иметь... наилучший возможный вариант жилья; и тогда законотворец, конечно же, способен установить условия для этого... “люди в целом” — это может быть *каждый* в своем собственном интересе — имеют подобный интерес, что, с точки зрения *законотворца*, должно быть *социальным* интересом. Естественно, индивиды тоже должны в целом понимать, что это является социальным интересом, но для большинства нет причины думать подобным образом, так как они обычно не заинтересованы в социальных вопросах... Также стоит держать в уме, что гуманизация человека в социальном объединении в действительности предполагает, что человек не может избежать конкуренции с оценками, которые выгодны для всего общества»⁴².

3.3. Достаточность метода в «сложных» судебных делах

В. Лундштедт рассматривает и «пограничные случаи» в «сложных» судебных делах, в которых социальное благополучие на первый взгляд не приходит на выручку как мотив судебской интерпретации права, на-

³⁹ Ross A. On Law and Justice / Translated from Danish by M. Dutton. Ed. by M. Knight. Berkeley & Los Angeles, 1959. P. 295.

⁴⁰ Хотя А. Росс прямо не называл В. Лундштедта в данном пассаже, очевидно обращение А. Росса к идее «социального благополучия» в концепции В. Лундштедта. См.: Ibid. P. 295–296.

⁴¹ Для более подробной критики А. Россом идеи социального благополучия В. Лундштедта и утилитаризма см.: Ibid. P. 289–296.

⁴² Lundstedt A. V. Legal Thinking Revised. P. 179–180.

пример: «является ли убийством деяние, когда доктор поддается мольбам безнадежно больного пациента и с помощью яда сокращает его муки?»⁴³.

Концепция «противоправности» в данном случае не поможет судье, так как для признания противоправного характера деяния он должен уже заранее знать, что оно подпадает под действие уголовного права. Однако судья может получить это знание только путем применения метода «социального благополучия»: для В. Лундштедта очевидно, что «никакой *реальной* помощи не получить через подходы правовой идеологии или другие химерные точки зрения»⁴⁴. Представления, которые обычно превалируют в обществе, безусловно приведут к признанию судьей действий доктора ненаказуемыми. Ведь действия доктора не могут нарушить *настолько значимые социальные ценности*, чтобы приговор к пожизненному лишению свободы считался бы обоснованным: такой приговор ставил бы под сомнение общее чувство справедливости и вызвал бы размышления об абсурдности применяемого закона и (или) приговора судьи, что способствовало бы умалению почтения к уголовному праву и его применению.

Правовые идеологические, этические и религиозные позиции и их комбинации влияют на значительную часть членов общества: представляется, что никто ни при каких обстоятельствах (не считая, к примеру, палача приговоренного к смерти человека или солдат во время войны) не имеет «права» лишать жизни другого человека, кроме такого действия в определенных ситуациях для защиты своей собственной жизни или жизни другого. Соответственно, даже доктор не наделен правом освободить от страданий безнадежно больного пациента. Но ведь вышеуказанные члены общества при общем неодобрении поведения доктора, без сомнения, согласились бы с теми, кто будет протестовать против *пожизненного* лишения свободы. Данные рассуждения показывают, что и в таком «сложном» случае правовая интерпретация достигает ясного результата при ориентировании на социальное благополучие. Так как статья Уголовного кодекса Швеции сконструирована так, что действия доктора являлись бы убийством⁴⁵, то эта статья в данном случае не выполняла бы социальную функцию, а наносила социальный вред. Описанная же интерпретация, *скорее всего*, освободила бы доктора от пожизненного наказания⁴⁶.

⁴³ Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised. P. 181.

⁴⁴ Ibid. P. 182.

⁴⁵ На момент рассмотрения ситуации В. Лундштедтом в 1956 г.

⁴⁶ Подробнее, в том числе с усложняющими ситуацию аспектами, см.: Ibid. P. 184.

При рассмотрении разных точек зрения, к какому бы решению ни пришел судья, он бы все равно придерживался своих социальных представлений. Даже если судьи будут иметь разные социальные представления (освободить доктора или осудить), это не противоречит методу социального благополучия. Тем не менее при использовании предложенного метода свободными от правовой идеологии судьями представляется маловероятным различие в обосновании решения. Разумный судья не позволит текущему пробелу привести к абсурдному решению в соответствии с *буквой* закона. Ведь такой судья понимает, что он не может из-за «просто слов» (*mere words*) отдельной статьи быть принужден к вынесению обвинительного приговора. «Противоправность» и «правомерность» В. Лундштедт считает вуалью, с помощью которой правовая идеология скрывает изложенные в приведенном «пограничном случае» позиции⁴⁷.

3.4. Объединение теоретической и практической функций

Подход В. Лундштедта изначально ориентирован на решение как теоретических, так и практических проблем. Высказывается мнение, что он стремился «поймать сразу двух зайцев»⁴⁸: социальное благополучие имело теоретическую функцию в предоставлении реалистического объяснения базиса права, но оно также имело и практическую роль в избавленной от идеологии правовой деятельности, которая бы постоянно руководствовалась тем, что она считает полезным для общества.

Первая функция является описательной: В. Лундштедт старался продемонстрировать, что истинным базисом права является не справедливость, а социальное благополучие. Ведь, по мнению В. Лундштедта, объективно справедливости не существует, есть только ее концепции. Как и остальные скандинавские реалисты, он предусматривает, что мыслительные категории (чувства, верования и идеи) являются реальностями и могут использоваться без перехода в сферу метафизики. В. Лундштедт пытался наглядно показать отсутствие корреспондирования различных областей права общим концепциям о справедливости. Кажется логичным отсутствие какого-либо одного фактора для объяснения права, однако В. Лундштедт «находит ему за-

⁴⁷ См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 184–185.

⁴⁸ Буквально: «убить двух птиц одним камнем» (*kill the two birds with the one stone*). См.: *Munro C.R. Lundstedt's Method of Social Welfare* // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 1981. Vol. 67. No. 1. P. 15.

мену, что ставит его на путь очередного моноказуального объяснения права»⁴⁹. Сомнительна не только возможность наличия одной причины, сколько довольно краткое ее изложение: презумпция следования законотворца, судьи и некоторых других лиц общественному интересу или требованиям публичной выгоды⁵⁰. Ничем не опровержимая, по В. Лундштедту, презумпция основывается на *позитивном* заключении о корреспондировании отдельных частей права социальному благополучию и *негативном* заключении о невозможности иного реалистичного мотива для правовой деятельности⁵¹.

Принципиальной оговоркой В. Лундштедта, снижающей степень возможной критики, было то, что не каждая норма права напрямую выводится из социального благополучия: эта связь может быть косвенной, особенно в силу доминирования в юриспруденции предрассудка идеологии справедливости. Довольно спорно предположение, что оценки общества и законотворца в любом случае будут корреспондировать друг другу и что в свете социального давления непостижимо, чтобы законотворцы действовали, например, с мотивом личной выгоды, а не в интересах благополучия общества. Также не самоочевидно, что требования людей или их оценка социального благополучия в конкретное время и конкретном месте приведут к *действительной* выгоде для общества и что законодатель распознает их⁵².

С точки зрения практической функции В. Лундштедт описал юриспруденцию как естественную науку со сферой действия в реальном мире.

⁴⁹ Munro C.R. Lundstedt's Method of Social Welfare // ARSP: Archiv Für Rechts-Und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 1981. Vol. 67. No. 1. P. 15.

Карл Бьёрлинг (Карл Георг Эмануэль Бьёрлинг (Karl Georg Emanuel Björling, 16 сентября 1870 г. — 14 марта 1934 г.), шведский юрист, специалист по гражданскому праву, профессор Лундского университета), учитель В. Лундштедта по гражданскому праву, не принимая подход своего ученика, заявлял, что одного «социального благополучия» недостаточно, для права необходимо множество принципов. В. Лундштедт на это отвечает, что: 1) «принципы» либо относятся к правовой идеологии, либо являются фикциями. В. Лундштедт не относил свой метод именно к «принципам» права, а считал его скорее «*руководящим мотивом*» для правовой деятельности; 2) любой другой мотив (не химерный) для законодательства и отправления правосудия, кроме цели быть полезным для общества в соответствии с определенными социальными оценками, не был до сих пор найден (см.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 180).

⁵⁰ См.: *Lundstedt A.V. Superstition or Rationality in Action for Peace?* P. 133.

⁵¹ См.: *Munro C.R. Op. cit.* P. 16.

⁵² *Ibid.* P. 17–18.

Он считал задачей философа права идентификацию причины и следствия в действующем праве, допуская принятие оценивающей позиции в отношении существующего или предполагаемого в будущем права. В. Лундштедт считал долгом ученого постоянно использовать социальные представления наряду с профессиональными знаниями⁵³. Сам В. Лундштедт, например, производил свои оценки социального благополучия в отстаиваемых правовых реформах и с позиций ученого, и с позиций члена социал-демократической партии шведского парламента⁵⁴.

Такой же долг В. Лундштедт приписывал и практикующим юристам. По многим вопросам оценка социального благополучия у них будет совпадать: на базовом уровне (осуждение убийства или кражи) ожидается однородность представлений, в отличие от разнообразия по вопросам, например, аборт, гомосексуальности или производственных отношений. В последних случаях потребуются «огромная доля проницательности, знания и упорства вместе с кооперацией практиков, теоретиков и экспертов из других областей»⁵⁵.

Но какая связь между теоретической и практической функциями? Является ли «метод социального благополучия» более «научным» или «реалистичным», чем отрицаемые принципы традиционной юриспруденции? Во-первых, если истинным базисом права является социальное благополучие, то какой смысл настаивать на дальнейшем изменении права? В. Лундштедт выходит из этого логического круга своим заявлением, что *не все* право есть рефлексия социального благополучия и что право имело бы иной вид, если бы *полностью* основывалось на социальном благополучии, а не на справедливости⁵⁶. Этим В. Лундштедт сохраняет практическую функцию своего метода, но только за счет ограничения теоретической.

Во-вторых, какова же четкая природа конструктивной юриспруденции? «Конструктивная юриспруденция должна — в русле отсутствия иного мотива для законодательства и правоприменения, свободного от химерных идей, кроме цели выгоды для общества, — взять эту цель как отправную точку для правовой деятельности»⁵⁷. Что означает «отправная точка»? В. Лундштедт принимает за исходную ве-

⁵³ См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 216, 268.

⁵⁴ См.: *Munro C.R. Op. cit.* P. 20. Подробнее о политической деятельности В. Лундштедта см.: *Sundell J.-O. Op. cit.* P. 465–478.

⁵⁵ *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 22, 186. Например, экспертов в области психологии, биологии, экономики, философии, политологии и т.п.

⁵⁶ *Ibid.* P. 126.

⁵⁷ *Ibid.* P. 133.

личину, что существуют определенные концепции, очерчивающие социальное благополучие. Этими концепциями для него являются социальные факты⁵⁸. Такие концепции регулярно изменяются, поэтому корректнее определить социальное благополучие именно как «метод», а не «принцип», ведь последний в большей степени подразумевает однозначный ответ на вопросы и содержит представление об абсолютных ценностях. В. Лундштедт же не пытался детерминировать, как такие концепции *должны быть* сформированы: его метод исходит из фактических устанавливаемых стремлений людей⁵⁹.

Кажется противоречивым то обстоятельство, что В. Лундштедт, признавая идеологию справедливости основанной на оценочных суждениях, сам предлагает юристам исходить из их оценок социального благополучия: «они (оценочные суждения. — Д.Т.) не утверждают что-либо о реальности напрямую, поэтому не могут быть ни верными, ни ложными; они выпадают за пределы философии права как эмпирически основанной науки. Тем не менее, если они содействуют выгоде общества, их следует принимать во внимание»⁶⁰. Сами по себе социальные представления как условия, в которых выражаются социальные оценки, являются фактическими, т.е. реальностями⁶¹. Тогда почему концепции права, связанные с «методом справедливости», менее фактичны? Ответ В. Лундштедта заключается в различении социального благополучия и каких-либо иных суждений о ценностях⁶².

Цепочка размышлений В. Лундштедта может быть изложена так: 1) справедливость сама по себе ненаучна (не принадлежит реальному миру); 2) теории команды или воли суверена ненаучны (потому что никакая подобная команда или воля не обнаруживаются в реальном мире⁶³); 3) концепции справедливости ненаучны (основаны на оши-

⁵⁸ «В. Лундштедт не отрицал, что эти концепции могут иногда корреспондировать или подвергаться влиянию моральных или религиозных идей». *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 134–140, 171.

⁵⁹ См.: *Munro C.R. Op. cit.* P. 21.

⁶⁰ *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 204–206.

⁶¹ *Ibid.* P. 200. Отношение к социальным и психологическим феноменам как к фактам крайне важно для объяснения права у В. Лундштедта. См.: *Munro C.R. Op. cit.* P. 23.

⁶² См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 200–202.

⁶³ Подробнее см.: *Тонков Д.Е.* Критика теории воли в скандинавском правовом реализме // *Философия и психология права: современные проблемы: Сборник научных трудов / Под общ. ред. В.И. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин.* М., 2018. С. 147–155.

бочных убеждениях); 4) поэтому справедливость, концепции справедливости и теории воли являются одинаково ложными. Но можно возразить В. Лундштедту, что убеждения и концепции имеют влияние на естественный мир вне зависимости от их ошибочности или достоверности⁶⁴. И тогда получается, что эти концепции тоже становятся реальностями, которые следует признавать, хоть и косвенно, частью юриспруденции в понимании В. Лундштедта.

4. Заключение

С древних времен правовая идеология доминирует в сознании людей, что приводит, по мнению В. Лундштедта, к довольно сдержанному влиянию социальных интересов на правовую деятельность. Используемые в обществе правовые максимы являются результатом борьбы между двумя диаметрально противоположными подходами: *нереалистичным*, исходящим из правовых идеологических идей; и *реалистичным*, детерминированным рассмотрением действительных стремлений живущих в обществе людей. В. Лундштедт стремился показать, что при «полном и честном» использовании метода социального благополучия правовая идеология будет в меньшей степени сдерживать как науку права, так и законотворца⁶⁵. Многие шведские правоведы, по заявлению В. Лундштедта, поддержали его критику манеры мышления традиционной юриспруденции⁶⁶. Анализ взаимодействия права и морали В. Лундштедта не является новым или уникальным, но он ценен своей корректировкой общепринятой идеи о том, что мораль очерчивает и направляет право⁶⁷. Но как шведским, так и иностранным авторам не удалось в полной мере подхватить конструктивные выводы из идей В. Лундштедта.

Несмотря на очевидное сходство метода социального благополучия и утилитаризма И. Бентама, В. Лундштедт различает их на основа-

⁶⁴ См.: Munro C.R. Op. cit. P. 24.

⁶⁵ См.: Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised. P. 145–146.

⁶⁶ В. Лундштедт рассматривал Карла Оливекрона как имеющего схожие позиции в критике «метода справедливости». См.: Ibid. P. 10. К. Оливекрона признавал влияние на себя трудов В. Лундштедта, но отмечая, что В. Лундштедт никогда не являлся его «учителем» в научных изысканиях. См.: Olivecrona K. The Legal Theories of Axel Hägerström and Vilhelm Lundstedt // Scandinavian Studies in Law. 1959. Vol. 3. P. 137.

⁶⁷ «Делом скандинавского направления правовой мысли было привести нас к пониманию того, что право, особенно созданное судом, формирует общественную мораль» (Fuller L.L. The Law in Quest of Itself. Chicago: The Foundation Press, 1940. P. 135–136. Цит. по: Sherbaniuk D.J. Op. cit. P. 64).

нии того, что И. Бентам установил определенный моральный принцип как объективно действующий: «наибольшее счастье для наибольшего количества», тогда как «...социальное благополучие не имеет ничего общего с абсолютными ценностями»⁶⁸ и затрагивает только то, чего люди действительно стремятся достичь. Но вопреки своему отрицанию ценностей вера В. Лундштедта в «действительные стремления людей» сама по себе представляет объективную ценность⁶⁹.

Метод «социального благополучия» основан на прагматизме, что наводит на сходство с концепцией социальной справедливости у Р. Паунда, в которой требования людей де-факто использовались для конструирования списка их интересов и право искало способы реагирования на эти интересы. Несмотря на то что В. Лундштедт считал метод Р. Паунда включающим скрытую веру в объективное естественное право⁷⁰, представляется сложным разграничить взгляды обоих ученых. В. Лундштедт объясняет свой метод довольно образно и не предлагает четкого критерия для выбора между эмпирическими предпосылками для оценки социального интереса, поэтому с данной точки зрения метод Р. Паунда выглядит более разработанным и систематическим. В. Лундштедт считает, что Р. Паунд основывает свой подход не на фактах научного исследования, а скорее размышляет «о значении права совершенно отдельно от опыта»⁷¹. Однако В. Лундштедт подвержен той же критике: в его трудах нет убедительного подтверждения основы метода социального благополучия на научных исследованиях⁷².

Идеи В. Лундштедта о законодательстве, которое должно исходить из специфичной социальной функции, не принимаются даже теми, кто довольно благосклонно относится к скандинавскому правовому реализму: главным аргументом становится теоретическая непоследовательность концепции. Ведь являясь сторонником философии А. Хэгерстрёма, отрицающей в своем аксиологическом нигилизме любые оценочные теории, В. Лундштедт базирует право на «потребностях и интересах обще-

⁶⁸ *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 136.

⁶⁹ «Сама вера в то, что конкретные высшие первостепенные цели должны определять направление правового развития, является метафизической верой» (*Castberg F. Op. cit.* P. 100).

⁷⁰ См.: *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 342–356.

⁷¹ *Ibid.* P. 350.

⁷² Можно заметить, что А. Росс отрицает теорию права В. Лундштедта по той же причине, по которой последний отрицает теорию Р. Паунда. См.: *Coleman G.J. The Scandinavian Legal Realists: a Critical Analysis // Faculty of Law Review*. 1960. Vol. 18. P. 159.

ства», неразрывно связанных с оценочным элементом⁷³. Примеры же судебного решения некоторых пограничных случаев в «сложных» делах на основе метода социального благополучия являются фрагментарными и только наводящими на достижение наилучшего возможного результата.

В. Лундштедт признает, что можно найти разные значения полезного или наилучшего для общества, но это не ведет к отрицанию его подхода. Он заявляет, что никогда не давал малейшего намека на то, что его позицию следует распространить до размеров своего рода «ключа», благодаря которому можно будет «открыть врата юридического знания»⁷⁴. Своей теорией В. Лундштедт стремился показать *путь*, которым каждый в рамках конструктивной юриспруденции должен следовать для его дальнейшего совершенствования и развития в соответствии с наилучшими возможными эпистемологическими озарениями о функционировании правового механизма. В. Лундштедт считал, что неправдивая к реальной жизни правовая идеология должна быть «отброшена» и что нигде не был найден какой-либо другой метод, непротиворечащий научно установленным точкам зрения, кроме как метод, называемый им методом «социального благополучия».

Можно заключить, что работа В. Лундштедта не содержит нечто удивительно новое для философии права. Его упорная атака на другие правовые направления в юриспруденции немного добавляет к критике традиционных концепций права А. Хэгерстрёма, а конструктивное предложение — метод «социального благополучия» — по большей части является красноречивым переформулированием идей, отстаиваемых такими мыслителями, как Р. Паунд. Результат трудов В. Лундштедта не соответствует сформулированному им стремлению произвести «коренной пересмотр правового мышления»⁷⁵. Однако при всех сомнениях в принятии критерия о научности и базировании его подхода на эмпирических исследованиях следует отметить *стремление*⁷⁶ В. Лундштедта сделать юриспруденцию частью именно *естественных наук*.

⁷³ Данная слабость концепции В. Лундштедта может быть преодолена, если относиться к интересам общества не как к *оценочному* элементу, а как к *описательному*. Подробнее см.: *Arvind, T.T. Vilhelm Lundstedt and the Social Function of Legislation // The Theory and Practice of Legislation*. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 33—57.

⁷⁴ *Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised*. P. 186.

⁷⁵ *Ibid.* P. 5.

⁷⁶ Как отмечает один из его учеников, В. Лундштедт долгое время считал себя единственным профессором права, пытающимся сделать юриспруденцию настоящей наукой. См.: *Schmidt F.F. The Uppsala School of Legal Thinking // Scandinavian Studies in Law*. 1978. Vol. 22. P. 160.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонов М.В. Скандинавская школа правового реализма // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум “Юридическая книга”», 2009. С. 645–668.

Васильева Н.С. Действительность права как психологический факт: Уппсальская школа в контексте интеллектуальной традиции континентального правового реализма // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 4. С. 47–80. DOI: 10.35427/2073-4522-019-14-4-vasilyeva

Тонков Д.Е. Критика теории воли в скандинавском правовом реализме // Философия и психология права: современные проблемы: Сборник научных трудов / Под общ. ред. В.И. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. М.: Институт государства и права РАН, 2018. С. 147–155.

Тонков Д.Е. Право и справедливость: либертарный подход и концепция В. Лундштедта // Право и религия в междисциплинарной интерпретации: Монография / Под ред. А.Б. Дидикина. М.: Проспект, 2019. С. 227–236.

Тонков Д.Е. Философия права Акселя Хэгерстрёма // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 3. С. 82–106.

Arvind T.T. The Philosophy of Law of Vilhelm Lundstedt // Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy / Ed. by M. Sellers, S. Kirste. Dordrecht: Springer, 2018. DOI: 10.1007/978-94-007-6730-0_66-1

Arvind T.T. Vilhelm Lundstedt and the Social Function of Legislation // The Theory and Practice of Legislation. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 33–57. DOI: 10.5235/2050-8840.1.1.33

Bindreiter U. Anders Vilhelm Lundstedt: In Quest of Reality // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 12. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Tome 2: Main Orientations and Topics. Chapter 15 / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht: Springer, 2016. P. 379–400. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_43

Castberg F. Problems of Legal Philosophy. 2nd ed. Oslo: Oslo University Press, 1957.

Coleman G.J. The Scandinavian Legal Realists: a Critical Analysis // Faculty of Law Review. 1960. Vol. 18. P. 152–162.

Fuller L.L. The Law in Quest of Itself. Chicago: The Foundation Press, 1940.

Jørgensen S. Scandinavian Legal Philosophy // Bulletin of the Australian Society of Legal Philosophy. 1984. Vol. 8. P. 2–18.

Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised: My Views on Law. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1956.

Lundstedt A.V. Superstition or Rationality in Action for Peace? Arguments against Founding a World Peace on the Common Sense of Justice: a Criticism of Jurisprudence. London: Longmans, Green and Co., 1925.

Lundstedt A.V. The Relation Between Law and Equity // Tulane Law Review. 1950. Vol. XXV. P. 59–69.

Munro C.R. Lundstedt's Method of Social Welfare // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 1981. Vol. 67. No. 1. P. 14–25.

Olivecrona K. The Legal Theories of Axel Hägerström and Vilhelm Lundstedt // Scandinavian Studies in Law. 1959. Vol. 3. P. 125–150.

Ross A. On Law and Justice / Translated from Danish by M. Dutton. Ed. by M. Knight. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1959.

Schmidt F.F. The Uppsala School of Legal Thinking // Scandinavian studies in law. 1978. Vol. 22. P. 151–175.

Siliquini-Cinelli, L. Vilhelm Lundstedt's 'Legal Machinery' and the Demise of Juristic Practice // Law Critique. 2018. Vol. 29. No. 2. P. 241–264. DOI: 10.1007/s10978-018-9220-4

Sherbaniuk D.J. Scandinavian Realism // Alberta Law Review. 1962. Vol. 2. No. 1. P. 58–72.

Sundell J-O. Vilhelm Lundstedt — a Biographical Sketch // Scandinavian Studies in Law. 2005. Vol. 48. P. 465–478.

Strang J. Two Generations of Scandinavian Legal Realists // Retfærd: Nordisk Juridisk Tidsskrift. 2009. Bd. 32. Nr. 1/124. P. 61–82.

REFERENCES

Antonov, M.V. (2009). Skandinavskaya shkola pravovogo realizma [Scandinavian School of Legal Realism]. In: A.V. Polyakov, ed. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Theory of Law]. Issue 1. Saint Petersburg: OOO “Universitetskii konsortium ‘Yuridicheskaya kniga’”, pp. 645–668. (in Russ.).

Arvind, T.T. (2018). The Philosophy of Law of Vilhelm Lundstedt. In: Sellers M. and Kirste S., eds. *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*. Dordrecht: Springer. DOI: 10.1007/978-94-007-6730-0_66-1

Arvind, T.T. (2013) Vilhelm Lundstedt and the Social Function of Legislation. *The Theory and Practice of Legislation*, 1 (1), pp. 33–57. DOI: 10.5235/2050-8840.1.1.33

Bindreiter, U. (2016) Anders Vilhelm Lundstedt: In Quest of Reality. In: E. Pattaro, C. Roversi, eds. *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 12. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Tome 2: Main Orientations and Topics. Chapter 15*. Dordrecht: Springer, pp. 379–400. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_43

Castberg, F. (1957). *Problems of Legal Philosophy*. Second revised English edition. Oslo: Oslo University Press.

Coleman, G.J. (1960). The Scandinavian Legal Realists: a Critical Analysis. Faculty of Law Review. 18, pp. 152–162.

Fuller, L.L. (1940). *The Law in Quest of Itself*. Chicago: The Foundation Press.

Jørgensen, S. (1984). Scandinavian Legal Philosophy. *Bulletin of the Australian Society of Legal Philosophy*. 8, pp. 2–18.

Lundstedt, A.V. (1956). *Legal Thinking Revised: My Views on Law*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Lundstedt, A.V. (1925). *Superstition or Rationality in Action for Peace? Arguments against Founding a World Peace on the Common Sense of Justice: a Criticism of Jurisprudence*. London: Longmans, Green and Co.

Lundstedt A.V. (1950). The Relation Between Law and Equity. *Tulane Law Review*, XXV, pp. 59–69.

Munro, C.R. (1981). Lundstedt's Method of Social Welfare. *ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*, 67(1), pp. 14–25.

Olivecrona, K. (1959). The Legal Theories of Axel Hägerström and Vilhelm Lundstedt. *Scandinavian Studies in Law*, 3, pp. 125–150.

Ross, A. (1953). *Om ret og retfærdighed: en indførelse i den analytiske rets losø*. Copenhagen: A. Busck. (in Dan.). [Eng. ed: Ross, A. (1959). *On Law and Justice*. Translated from Danish by M. Dutton. Ed. by M. Knight. Berkeley & Los Angeles: University of California Press].

Schmidt, F.F. (1978). The Uppsala School of Legal Thinking. *Scandinavian Studies in Law*, 22, pp. 151–175.

Siliquini-Cinelli, L. (2018) Vilhelm Lundstedt's 'Legal Machinery' and the Demise of Juristic Practice. *Law Critique*, 29(2), pp. 241–264. DOI: 10.1007/s10978-018-9220-4

Sherbaniuk, D.J. (1962). Scandinavian Realism. *Alberta Law Review*, 2(1), pp. 58–72.

Sundell, J.-O. (2005) Vilhelm Lundstedt — a Biographical Sketch. *Scandinavian Studies in Law*, 48, pp. 465–478.

Strang, J. (2009). Two Generations of Scandinavian Legal Realists. *Retfærd: Nordisk Juridisk Tidsskrift*, 32(1/124), pp. 61–82.

Tonkov, D.E. (2018). Filosofija prava Akselja Hjergerstrjoma [Legal Philosophy of Axel Hägerström]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 13(3), pp. 82–106. (in Russ.).

Tonkov, D.E. (2018) Kritika teorii voli v skandinavskom pravovom realizme [Criticism of Theory of Will in Scandinavian Legal Realism]. In: V.I. Zhukov and A.B. Didikin, eds. *Filosofija i psihologija prava: sovremennye problemy: Sbornik nauchnyh trudov* [Philosophy and Psychology of Law: Modern Problems: Collection of Proceedings]. Moscow: Institut Gosudarstva i Prava RAN, pp. 147–155. (in Russ.).

Tonkov, D.E. (2019) Pravo i spravedlivost': libertarnyj podhod i koncepcija V. Lundstedta [Law and Justice: Libertarian Approach and concept of V. Lundstedt]. In: A.B. Didikin, ed. *Pravo i religija v mezhdisciplinarnoj interpretacii: monografija* [Law and Religion in an Interdisciplinary Interpretation: Monograph]. Moscow: Prospekt, pp. 227–236. (in Russ.).

Vasilyeva, N.S. (2019). Dejstvitel'nost' prava kak psihologicheskij fakt: Upsal'skaja shkola v kontekste intellektual'noj tradicii kontinental'nogo pravovogo realizma [Legal Validity as a Psychological Fact: Uppsala School in the Intellectual Context of Continental Legal Realism]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute*

of State and Law of the RAS, 14(4), pp. 47–80. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-vasilyeva (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Тонков Дмитрий Евгеньевич — аспирант Института государства и права Российской академии наук.

AUTHOR'S INFO:

Dmitrii E. Tonkov — Post-Graduate Student, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тонков Д.Е. Метод «социального благополучия» Вильгельма Лундштедта // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 1. С. 125–149. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-tonkov

CITATION:

Tonkov, D.E. (2020). Method of "Social Welfare" of Vilhelm Lundstedt. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 15(1), pp. 125–149. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-tonkov